

**ПРАЦЫ
КАФЕДРЫ
СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ
МОВЫ**

ВЫПУСК 5

ДА 70-ГОДДЗЯ 3 ДНЯ НАРАДЖЭННЯ
ДОКТАРА ФІЛАЛАГІЧНЫХ НАВУК,
ПРАФЕСАРА АРНОЛЬДА ЯФІМАВІЧА МІХНЕВІЧА

Мінск
«РІВІШ»
2006

УДК 483.2(06)
ББК 81.2Бел.я43
П70

Рэкамендавана

пасяджэннем кафедры сучаснай беларускай мовы
філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
(пратакол № 10 ад 08.06.2006 г.)

Рэдакцыйная калегія:

А. Я. Міхневіч (адк. рэд.), З. І. Бадзевіч (нам. адк. рэд.),
В. П. Красней, А. А. Лукашанец, М. Р. Прыгодзіч,
С. М. Балотнікава, Ж. Я. Белакурская, С. А. Вазнік, В. І. Куліковіч,
К. П. Любецкая, В. М. Ляшук, Ю. В. Назаранка, А. А. Радзевіч,
Т. Р. Рамза, І. І. Савіцкая, А. Л. Садоўская, Г. Г. Чахоўскі,
Т. Л. Чахоўская, В. Я. Шкілёнак, С. М. Якуба

Выдаецца з 2001 г.

Працы кафедры сучаснай беларускай мовы. Вып. 5. Да 70-годдзя з
П 70 дня нараджэння д-ра філал. навук, праф. Арнольда Яфімавіча
Міхневіча / рэдкал. А. Я. Міхневіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск :
РІВШ, 2006. – 234 с.
ISBN 985-500-052-8.

Чарговы выпуск «Працы кафедры сучаснай беларускай мовы» прысвечаны юбіляру Арнольду Яфімавічу Міхневічу, заснавальніку беларускай семантычнай школы, доктару філалагічных навук, прафесару, аўтару больш за 500 навуковых прац у галіне сучаснай беларускай мовы, сацыялінгвістыкі, рыторыкі, методыкі выкладання і практычнага навучання мовам, гісторыі мовазнаўства, культуралогіі. Аўтары зборніка шчыра віншуюць шаноўнага юбіляра і прапануюць мэтру беларускага мовазнаўства гэты сціплы падарунак.

УДК 483.2(06)
ББК 81.2Бел.я43

ISBN 985-500-052-8

© БДУ, 2006
© Афармленне. ДУА «Рэспубліканскі
інстытут вышэйшай школы»

19. Михневич, А. Е. Программа спецкурса «Культура общения» / А. Е. Михневич. — Минск, 1989.
20. Михневич, А. Е. Русско-белорусский разговорник / А. Е. Михневич. — Минск, 1991.
21. Михневич, А. Е. Деловое общение. Программа / А. Е. Михневич. — Минск, 1996.
22. Слоўка за слоўкам: алф. давед. па культуры бел. мовы для ўсіх / А. Я. Міхневіч, Л. П. Кунцэвіч, Ю. В. Назаранка. — Мінск, 2006.
23. Хрестоматия по лекторскому мастерству / сост. А. Е. Михневич. — Минск, 1978.

А. А. Гируцкий

СИТУАЦИЯ ДВУЯЗЫЧИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Ситуация двуязычия в структуре художественного произведения может отражаться двояко: в стилистике художественной речи и в идейно-композиционной архитектонике произведения. В первом случае ситуация двуязычия характеризуется наличием в художественном тексте инонациональных языковых средств, используемых в различных целях. Для каждого произведения такого плана характерна своя ситуация двуязычия (многоязычия): использование элементов того, а не иного языка, количественные и качественные особенности их употребления, различие в способах введения иноязычной речи в контекст художественного произведения. Без преувеличения можно сказать, что с тех пор, как существует художественная литература, существует и взаимодействие языков в этой сфере. Оно восходит еще к античной эпохе. Например, в поэме римского поэта Лукреция (около 98–55 г. до н. э.) «О природе вещей» исследователи обнаруживают довольно большое количество гречизмов, часть из них к этому времени уже прочно вошла в латинский язык, другая же — используется потом в стилистических целях. В тексте «Римской истории» Аппиана, написанной на греческом языке, ощутимо влияние латинского языка. По утверждению французского языковеда А. Мартине, тот факт, что Цицерон был латино-греческим билингвом, оставил неизгладимый след в нашем современном словаре.

Включение в текст произведений элементов другого языка и создание тем самым двуязычной ситуации обычно обусловлено объектом художественного отражения, законами художественного творчества. Элементы других языков используются как художественное средство для отражения живой действительности с ее социальными, религиозными, политическими, национальными, языковыми особенностями. Так, широкий и разносторонний интерес в России XVIII–XIX вв. к Франции, ее общественно-политической и культурной жизни, литературе и языку обусловил то, что половина действующих лиц эпопей

Л. Н. Толстого «Война и мир» говорит по-французски, а текст произведения насыщен макаронической речью. Подсчитано, что по-французски написано около 2 % «Войны и мира». В свою очередь, Франция XVIII в. проявляла большой интерес к России и ко всему русскому. Академик М. П. Алексеев отмечает: «В Париже в ходу был термин «gussoric», обозначающий склонность ко всему идущему из России, в том числе и к русскому языку. Русские слова и фразы, не говоря уже о собственных именах и географических названиях, попадают в большом количестве французских печатных источников, в том числе и в художественной литературе. В XIX в. довольно значительное количество русских слов можно найти в сочинениях и письмах А. Ламартина, А. де Виньи, В. Гюго, Ш. О. Сент-Бёва, не говоря уже о тех писателях, которые побывали в России или жили здесь и успели в той или иной степени познакомиться с русским языком» [2, с. 5].

Появление иноязычного слова, иноземной речи в художественном тексте часто связано с образом пришельца, оказавшегося в чуждом для него, экзотическом мире. Пришелец мог быть воином, купцом, послом, гостем, гувернером, но всегда носителем чужого или даже чуждого, враждебного языка, вызывающего разное к нему отношение. Например, в романе И. Клаза «Жарцы» русский крестьянин XIX в. в доказательство того, чем иноземный пришлый царь или барин хуже своего, в качестве аргумента выдвигает «тарабарский», на его взгляд, язык пришельца-француза и стоящую за ним еретическую веру:

— А мне все равно, кто царем будет. Так кинь и так кинь — один клин, — заметил Тимох, хлопбучивая шапку. — Теперича барин хлеще бить морду будет. Он с французом в ладах и дружбе.

Забегали глаза у Егора:

— Нет, не все равно. Ты почему не хотел французу хлеб давать? Ась?

— Не хотел и эсь.

— То-то! И я не хочу. Кому любо, когда в хату придет идолице поганое: «машлё», «шалё» давай? (Клаз И. Жарцы. — Минск, 1955. — С. 49).

Восприятие чужого языка как невозможного, неестественного и квалификация собственного языка в качестве единственно нормального орудия общения и понимания людьми друг друга широко отражены в художественной литературе. В комедии Сумарокова «Приданое обманом» (1765) представлен яркий образец такого отношения к чужому и собственному языкам. Салидар, которого Сумароков выставляет на потеху зрителям, утверждает здесь, что иностранцы «еще и волшебству учат, а его еще и кражи хуже».

— Какому волшебству? — спрашивает его Мирсан.

— Как же это не волшебство! — отвечает Салидар. — Иноземец иноземцу побормочет: бара, бара, бара! А тот ему сам на то: бара,

бара, бара: и друг друга разумеют; от чево это? Да не только большие: да и маленькие лет по пяти ребята бормочат. Для чего же я их не разумею? Мирсан: Для того, что ты их языка не знаешь: у тебя свой язык, а у них свой. Салидар: У всех языки одинаковые: и у них такие же, как у нас. Мирсан: Я говорю о наречии. Салидар: Какое у них наречие! Бормотание одно [1, с. 182].

Подобное примитивное отношение к чужому языку, иноземной речи находим в «Женитьбе» Н. В. Гоголя, «Приключениях Гекельберри Финна» Марка Твена и других произведениях.

Иногда иноязычная речь пародируется, переиначивается, высмеивается. Например, в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина является предметом осмеяния французская речь наемника-капитана. Капитан Маржерет переспрашивает одного из воинов-беглецов: «*Quoi? Quoi?*» Тот передразнивает его: «*Ква! Ква! Тебе любо, лягушка заморская, квакать на русского царевича; а мы ведь православные*».

Чужое слово в русском художественном тексте выступает не только олицетворением чужой, враждебной идеи, чужой силы, надвигающейся на народ, или предметом осмеяния. Иногда оно может выступать едва ли не целой сюжетной линией, как, например, в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин», где показано, как оно контрастирует с русским языком, как его принимают, осваивают. В каждом частном проявлении употребление иноземной речи может быть безобидно, даже забавно. Русские солдаты в «Войне и мире» Л. Н. Толстого дружелюбно переименовывают своего пленника-француза Винсента в Весеню. Порой чужое слово является убежищем, в котором герои могут скрываться, прятаться от окружающих. В этих ситуациях иноземный пришелец, не владеющий русским языком, оказывается как бы глухим и немым одновременно, ибо его речь для внимающего ей русского — звук пустой. Такие ситуации представлены, например, в рассказах А. П. Чехова «Дочь Альбиона», «Добрый немец», «Глупый француз» [4, с. 68–70].

Ситуация двуязычия в художественном тексте часто характеризуется имитацией речи иностранца. Существуют различные способы подобной имитации, связанные с немногочисленными нарочитыми искажениями русской речи. При этом изображение речи немца не будет похоже на передачу речи китайца, что во многом обусловливается различиями в языках иноземцев. Так, во фразе *мой ист для всех советских мест* будет угадываться немец, а фраза *моя плинесла ниво, твоя тинель платить* будет характерна для китайца.

Художественная литература Беларуси также является той сферой, где протекают активные процессы взаимодействия языков и культур. Взаимодействие белорусской и русской культур и языков имеет свои специфические черты в силу общности исторических судеб белорусского и русского народов, родства и близости систем двух языков.

Определенное представление об особенностях белорусско-русской двуязычной ситуации дает стихотворение И. Шкляревского «Жалоба счастья»:

Руки болят! Ноги болят!
Клевер скошили. Жито поспело.
Жито собрали. Сад убирать.
Глянешь, а греча уже покраснела.
Гречу убрали. Лен колотить.
Лен посушили. Сено возить.
Сено сметали. Бульбу копать.
Бульбу вскопали. Хряка смолить.
Клюкву мочить. Дрова пилить.
Ульи снимать. Сад утеплять.
Руки болят! Ноги болят!
(Шкляревский И. Гость. – Минск, 1980. – С. 11)

В этом стихотворении перекликаются стихи двух языков – русского и белорусского. Белорусский читатель слышит в нем отголоски белорусской речи (*болят, жито, бульба, дрова*), русский – отголоски русской диалектной речи. И в том, и в другом случае создается образ крестьянина-труженика, находящего счастье в своем нелегком труде.

Современность наложила на отношения двух народов, культур и языков свой особый отпечаток. Этот особый отпечаток проявляется хотя бы в том, что белорус может ощущать себя в России уже иностранцем:

Что за ветры здесь злые – доводят до слез...
А зовут меня так: *белоруска в Москве*.
Белоруска в Москве, белоруска в Москве,
Словно в море трава, словно чайка в траве...
(Дашкевич Т. Белоруска в Москве // Современная русская поэзия Беларуси. – Минск, 2003. – С. 52)

Словосочетанием *белоруска в Москве*, его повтором, сравнением белоруски в Москве с чайкой в траве, с травой в море, автор стихотворения подчеркивает это новое восприятие Москвы.

Другой новый мотив – сожаление о том, что многое в недалекой исторической и духовной общности разрушено, утеряно:

Мы потому сегодня голь и грусть
И носим в сердце скорбную руину,
Что по-живому разорвали Русь
На Беларусь, Россию, Украину.
(А. Тропин. Русь. С. 167)

Многих русских поэтов, живущих в Беларуси, тревожит судьба их первой родины, им кажется, что той России, которую они знали и в которой выросли, давно уже нет:

Разве есть где-нибудь в самом деле на свете Россия?
Этой станции нет. Верстовые столбы не видны.
Этой станции нет. Очень просто — была и не стало.
Расписание диспетчер исправил спокойной рукой.
И ослепшее время бушует в стропилах вокзала.
Поезда не уходят в Россию — нет больше такой.
(Е. Агина. Ох, какая тоска здесь бывает в предзимнюю пору... С. 14)

Рядом звучит вера в будущее России, в ее способность преодолеть обрушившиеся на нее беды и несчастья:

Мать сыра земля Русь баюкает...
Мать земля поет колыбельную:
«Ты расти, народ, ты расти, народ,
Ты расти, народ, вечность целую...
А забрезжит день — сны в душе утани.
Дальше снов шагни, Русь рассветная...»
(Ю. Фатнев. То ли палема, то ли ночь светла... С. 170)

Еще один новый мотив, навеянный современностью, заключается в том, что единство двух братских народов — белорусского и русского — не отменяет национальной самобытности их языков и культур. Общность судеб не должна мешать их собственному развитию — двуязычие не должно препятствовать развитию мовы.

Я буду изгоем в родной стороне
За то, что в краю белорусском
Недешнее счастье даровано мне —
Меня воспитали по-русски.
На русской, шляхетской, хохляцкой крови
Замешана горькая доля —
К родному народу не ведать любви
И волю встречать как неволю.
Убитое слово из гроба встает,
Смелее раскройте объятья!
Пусть мова очнется и вечно живет.
(Л. Яковенко. Возрождение. С. 195)

Таким образом, анализ ситуации двуязычия в художественном тексте показывает, что она создается объективными причинами, вытекает из единства мирового литературного процесса, базирующегося на различных национальных стихиях, различных культурах и традициях. Авторы художественных произведений не могут пройти мимо того, чтобы лишний раз сравнить свое и чужое, опираясь на традиции

народной культуры, реалии окружающей жизни, как бы странно они иногда ни проявлялись.

Литература

1. Алексеев, М. П. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия / М. П. Алексеев // Труды юбилейной научной сессии. Секция филол. наук: сб. ст. / под ред. В. В. Виноградова. — Л., 1946. — С. 182.
2. Алексеев, М. П. Русский язык в мировом культурном обиходе / М. П. Алексеев // ВЯ. — 1984. — № 3. — С. 5–10.
3. Гируцкий, А. А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы / А. А. Гируцкий. — Минск, 1990.
4. Турбин, В. В. «Ситуация двуязычия» в русской классической литературе XIX ст. / В. В. Турбин // Теория и практика преподавания русской и советской литературы студентам из ГДР. — Минск, 1983. — С. 67–71.

А. М. Горлатов

НЕСТАНДАРТНОСТЬ КАК ФАКТОР СТРУКТУРИРОВАНИЯ РЕКЛАМНО-РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ

Экстралингвистическое требование компрессии, а также необходимость акцента на аргументах в рекламной фразе обусловили возникновение уникальных особенностей текстовой организации рекламы, которые недопустимы практически ни в каких других текстах книжно-письменного типа [3, с. 8–17], [5, с. 61–65]. Данные факторы являются универсальными и формируют специфику рекламного изложения в целом, а не только отдельных ее жанров или типов изданий.

Побуждение к рекламе может быть как открытым, явным, так и скрытым, неявным, когда адресат получает мотивацию к ответной реакции косвенным путем. Для программирования некоего желаемого результата языкового воздействия рекламное текстообразование широко использует варьирование, прямо подтверждая то, что без динамичного варьирования вообще нет употребления языка (ср., напр.: [4, с. 9–17], [7, с. 281–291]).

Составители рекламных текстов систематически прибегают к языковым единицам, которые выходят за рамки стандарта. Стандарт возможно, вслед за Е. С. Кубряковой, трактовать как... «действующие в определенной сфере коммуникации ...семантические и прагматические факторы, которые образуют совместно и нераздельно единые требования к порождаемому тексту» [6, с. 96].

В немецком языкознании известны разные подходы к вариативному представлению интенционально заданных речевых комплексов. Так, П. Ауэр указывает на широкое использование в языке экспрессы и рекламы диалектных оборотов, способных повышать экс-

ЗМЕСТ

«Божухна, які здольны чалавечак! І слоўкі ўсе свае, родненькія» (Н. Ю. Паўлоўская).....	4
--	---

I. «Жыццё... ды што жыццё такое?»

Міхневіч А. Я. З плыні часу	7
Шчэрбін В. К. Кароткі нарыс навукова-педагагічнай і навукова- арганізацыйнай дзейнасці доктара філалагічных навук, прафесара, лаўрэата Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь у галіне навукі і тэхнікі Арнольда Яфімавіча Міхневіча	10

II. «На свеце тайн такіх няма, Што асталіся б не раскрыты...»

Абабурка В. У. Утварэнне адфразеалагічных адзінак у навуковай літаратуры.....	36
Ананіч Дз. У., Куліковіч У. І. Лексіка, якая абапіраецца на гукі нежывой прыроды ў мове твораў У. Караткевіча	39
Бадзевіч З. І. Лексічныя параўнанні ў мове твораў І. Навуменкі	43
Балотнікава С. М. Да пытання аб упарадкаванні тэрміналагічных сістэм у сучаснай беларускай мове: лексыкаграфічны аспект	48
Белакурская Ж. Я. Коласазнаўства: стан і перспектывы.....	51
Бурак І. Л. Тэкстаўтваральная функцыя злучніка ды ў мове мастацкай літаратуры	58
Важнік С. А. Станаўленне сінтаксічнай нормы сучаснай беларускай літаратурнай мовы: працы А. Я. Міхневіча па культуры маўлення і арталогіі	60
Гируцкий А. А. Ситуация двуязычия в художественном тексте	64
Горлатов А. М. Нестандартность как фактор структурирования рекламно-речевых ситуаций	69
Гущева О. И. Особенности номинации в ученическом и студенческом жаргоне (на материале польского языка).....	73
Доўгаль А. Роля прасадыхных сродкаў у выражэнні эмоцый	78
Зур Г. І. Выклікавыя выказванні як эматыўныя адзінкі (на прыкладзе мастацкіх тэкстаў нямецкай мовы).....	84
Канюшкевіч М. І. Рэестр беларускіх прыназоўнікаў і іх аналагаў: функцыянальная граматыка рэальнага ўжывання	88
Качан Н. У. Структура прапазіцыі простага сказа.....	93
Коваль В. И. Homo ridens: к вербализации гендерно маркированного смеха в художественном тексте.....	97
Кузьміч А. В. Перанос значэння і выражэнне колькасных адносін ...	102